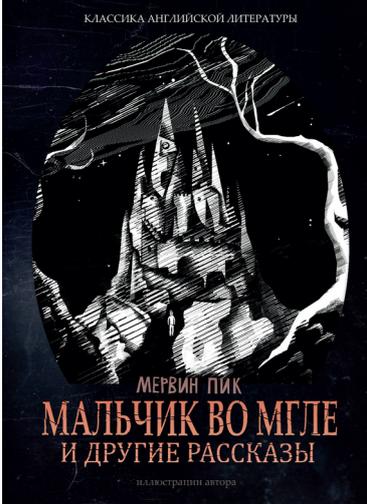

КЛАССИКА АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МЕРВИН ПИК
МАЛЬЧИК ВО МГЛЕ
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

на иллюстрации автора

Мервин Пик
Мальчик во мгле и другие рассказы (сборник)
Серия «Горменгаст»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17819588
Мервин Пик. Мальчик во мгле и другие рассказы: Livebook; Москва; 2016
ISBN 978-5-9907254-6-1

Аннотация

«Мальчик во мгле» – первое русскоязычное издание сборника рассказов классика английской литературы Мервина Пика, автора трилогии «Горменгаст».

Эта книга – танец смерти привычного нам взгляда на мир. Эта книга – приглашение в диковинное путешествие далеко за пределы Горменгаста. Полейте пальму перед выходом. Встречаемся тогда же, там же.

Содержание

Себастьян Пик	5
Джоанн Хэррис	6
Себастьян Пик	8
Иллюстрации	10
Мэв Гилмор	11
Мальчик во мгле	15
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мервин Пик

Мальчик во мгле и другие рассказы (сборник)

Mervyn Peake
BOY IN DARKNESS AND OTHER STORIES
© 1956 Mervyn Peake
Interior illustrations by Mervyn Peake

© Сергей Ильин, перевод на русский язык, 2015
© Максим Немцов, перевод на русский язык, 2015
© Livebook Publishing, 2016

* * *

Мервин Лоренс Пик (1911–1968) – английский писатель, поэт, драматург и художник. Его книги переведены более чем на 20 языков.

«В этих рассказах отражается сам темперамент писателя, они – шесть весьма различных взглядов на мир среди бесчисленных умственных пейзажей, нарисованных этим переменчивейшим из фантазеров».

Джоанн Хэррис

Премия британского Королевского литературного общества.

«The Times» включил Мервина Пика в список «50 великих писателей Великобритании за последние 70 лет».

Себастьян Пик Благодарности

Последовав совету заново издать рассказы моего покойного отца сборником, я обратился за помощью к различным друзьям, родственникам и собирателям его работ. Питер Уиннингтон – *éminence grise*¹ во всем, что касается Мервина Пика, – отметил, что в тексте первого издания повести «Мальчик во мгле», опубликованного в 1956 году, меньше всего ошибок, какие имеются в последующих изданиях, – без Питера этот факт легко было бы и не заметить; мои брат Фэбиэн и сестра Клэр поделились со мной бесценными и взвешенными мнениями относительно того, какие рисунки включать в это издание. Коллекционер и галерейщик Крис Битлз любезно позволил воспроизвести здесь некоторые рисунки из своего собрания, а Элисон Элдред, предложившая включить сюда дополнительные изображения, очень помогла с репродукциями. В прочувствованном вступительном слове Джоанн Хэррис делится чуткими замечаниями об отдельных рассказах, красноречиво отражающими сам дух писателя. Наконец я в долгу перед издательством «Питер Оуэн Паблишерз» за то, что они вообще приняли этот замысел – объединить рассказы с ранее не публиковавшимися рисунками и другими иллюстрациями, тем самым представив два аспекта творчества моего отца под одной обложкой, а в особенности благодарен я Энтони Оуэн, Нику Пирсону и Бенедикту Ричардзу за их кропотливый труд по подготовке этого издания.

---

¹ Серый кардинал (фр.). – Здесь и далее прим. пер.

Джоанн Хэррис Вступление

Большинству читателей Мервин Пик в первую очередь и главным образом известен как автор прославленных книг о Титусе – «Титус Гроан», «Горменгаст» и «Титус один». Некоторым он может быть знаком как поразительно плодовитый иллюстратор: работы его варьируются от невероятно энергичных набросков углем и картин маслом, напоминающих раннего Пикассо, до нежных иллюстраций пером и тушью, весьма похожих на произведения Обри Биэрдзли. Кое-кто, быть может, читал его фронтовую лирику или сюрреалистические комические стихи, многим подобные текстам Эдуарда Лира или Льюиса Кэрролла. На самом деле, широта творчества Пика способна повергнуть читателя едва ли не в робость: он черпал вдохновение в настолько разнообразной палитре, что классифицировать ее затруднительно, – каждая часть головоломки Пика намекает на иную и новую грань почти безграничного воображения этого человека.

Этими шестью рассказами, впервые издаваемыми под одной обложкой, наслаждаться можно по-разному: в первую очередь – как чудесными историями самими по себе либо как чередой упражнений в разных стилях, но главным образом они – чарующая возможность заглянуть в ум писателя и посмотреть, как тот работает, серия моментальных снимков, сделанных на протяжении всего одной необычайной жизни.

«Диковинное путешествие» – игривое исследование того, что Бодлер называет «*Correspondances*»:² таинственных, квазимистических связей чувств. В этом рассказе Пик играет с языком цвета и формы, чтобы создать просторы, как у Дали, – по ним странствует рассказчик, в мельчайших подробностях перечисляя и описывая кошмарные образы, возникающие по пути.

«Ценители» с их хрупким диалогом и сатирическим взглядом на художественную сцену читаются сверхъестественно – как обрывок какой-нибудь короткой пьесы Оскара Уайлда. «Танец смерти» заимствует знакомый образ из традиционной готической сказки и придает ему новый зловещий поворот, а «Тогда же, там же» был вдохновлен, хоть и нечаянно, одной дамой, сидевшей вместе с Пиками за столиком в «Угловом доме Лайонза»,³ и по этому рассказу видно, насколько легко автор способен встроить в свою фантазию аспекты обыденной жизни и придать им свежую и причудливую сложность.

Юмористический и самоуничижительный рассказ «Я купил пальму» запечатлевает происшествие в жизни семейства Пиков, когда они жили на Сарке, и дарит долгожданную возможность взглянуть на автора как на беззаботного чудака.

Но шедевр этого сборника, несомненно, – «Мальчик во мгле», самая сложная и, быть может, наиболее известная короткая работа Пика. Как и почти во всей его литературе, здесь действие происходит в неких фрейдовских потемках, сумерках между реальностью и сном. Юный Мальчик-бунтарь – который, пусть и не называется по имени, многим похож на молодого Титуса Гроана, – сбегает из ненавистных пределов дома своих предков и от удушающих слоев ритуала, которыми дом этот спеленат, в окрестную глухомань, где попадает в зверские лапы мерзкого тирана Гиены и раболепного тревожного Козла; некогда существа эти были людьми, но давным-давно слепой и ужасающий повелитель Агнец преобразил их в животные пародии на самих себя.

² «Соответствия» (*фр.*) – стихотворение из сборника Шарля Бодлера «Цветы зла» (1855), пер. К. Бальмонта, считается своеобразным манифестом символизма.

³ «Угловые дома» – сеть ресторанов и чайных английской компании «Дж. Лайонз и К^о.» (осн. в 1884 г.) в стиле ар-деко, существовала с 1909 по 1977 гг. Какое-то время некоторые работали круглосуточно.

Эту кафкианскую сказку толкуют по-разному: как фрейдистскую притчу о пробуждающейся сексуальности, историю взросления, обличение организованной религии и сатиру на нацизм, – но в итоге, в контексте прочих работ Пика, она бежит легких определений. Зловещая, мрачная и пугающая, повесть эта примыкает к книгам о Титусе (с которыми она несомненно связана) своей причудливой густотой и чувственностью; живая осознанность мельчайших подробностей звука, цвета, запаха и формы – вот что сообщает этой работе автора не только огромное эмоциональное воздействие, но и неувядающую притягательность.

Зрительно она могла бы принять вид темнейшего, мрачнейшего кукольного представления: гротескные полуживотные персонажи, манерные диалоги и театральная природа декораций могли бы разместить эту историю в царстве далекой фантазии. Однако квазиэкзистенциальные борения Мальчика против кошмарного магнетизма Агнца и его непрошенного дара «преобращения»⁴ по-прежнему звучат причудливым эхом в мире, который все более сам с собою не ладит, и энергичное описание Пиком невыражаемого, инстинктивного бунта юности – против авторитетов, традиции, даже против собственных корней – и сейчас так же убедительны, как шестьдесят лет назад.

Богатство языка Мервина Пика и широта его воображения никогда не перестают поражать, но мало того – место среди величайших рассказчиков XX века этому писателю обеспечивает его эмоциональный диапазон. В этих рассказах отражается сам темперамент писателя, они – шесть весьма различных взглядов на мир среди бесчисленных умственных пейзажей, нарисованных этим переменчивейшим из фантазеров.

---

⁴ Здесь и далее – пер. С. Ильина.

Себастьян Пик Предисловие

Рождество – пора, когда мой отец собирал все семейство у огня у нас в гостиной, чтобы мы послушали его очередную сказку о призраках. При мерцающем свете потрескивающих поленьев мы сидели и ждали, когда он начнет.

Тени от языков пламени оживали и обретали собственные черты, поэтому наше предвкушение усиливалось, а от самих историй по спинам всегда бежал холодок. Прежде чем начать рассказ, он иногда просил нас описать силуэты, что отбрасывало на стены и потолок пламя из очага. Быть может, это дерево, горная вершина, меч, ведьмина шляпа? – предполагали мы. Он и сам, бывало, подсказывал что-нибудь – и поражал нас ловкостью своих наблюдений.

А затем начиналась сама история. Всякий раз его мягкий мелодичный голос убаюкивал, и нам становилось обманчиво спокойно – но вскоре повествование превращалось в сказку до того жуткую, что волосы у нас вставали дыбом, как и в прошлый раз. Он завлекал глубоко в пропасти своего воображения, а мы со смесью тревоги и завороченности ждали развязки.

По ходу повествования отец прокладывал ложные следы, давал понять, что мы в кои-то веки, быть может, и угадаем исход событий, но мы, слушая его увлеченно и застывши от волнения, обнаруживали, что опять все перепутали. Понемногу плел он свои обычные чары и все ловчее заманивал нас в собственное творенье, покуда мы не достигали того рубежа, когда напряжение в комнате становилось таким, что расслабиться нам удавалось лишь с завершением истории. И когда рассказ подходил к леденящей и драматичной кульминации, свет в комнате вновь зажигался...

В этом сборнике рассказов, никогда прежде не публиковавшихся под одной обложкой, читателя приглашают вновь пережить нечто похожее на то, что своими работами мог внушить мой отец, а также – покуда на бумаге разворачивается художественная композиция из его слов – то предвкушение, какое мы испытывали в детстве, и, конечно, удовлетворение от хорошо рассказанной истории. Рассказы эти сопровождаются множеством его картин, рисунков и иллюстраций, созданных ради удовольствия, – как и рассказы, так умело им сработанные.

Здесь вы найдете одну из самых любимых моих историй – «Я купил пальму»: рассказ этот пробуждает во мне отчетливое воспоминание не только о том, что мой отец желал посадить такое дерево у нас в саду на Сарке (Нормандские острова), но также и о том, что именно погребено под его корнями.

Один из учителей в пансионе на Гернси разрешил нам исследовать немецкий тайник с оружием, умело запрятанный в отвесной скале за валуном, подвешенным на петлях, и нескольким счастливицам удалось разжиться кое-чем найденным там. Моя драгоценная добыча состояла из кортика, пистолета «люгер», каски и сабли со свастикой. Через несколько недель об этом инциденте узнала островная полиция – они связались со школой и потребовали сдать все обнаруженное в пещере. Но свое сокровище к тому времени я уже закопал – там оно и остается по сей день!

Иллюстрации

Рисунки, наброски и картины, включенные в это издание, Мервин Пик создал в разные периоды жизни, а для издания их отобрали его дети – Себастьян, Фэбизэн и Клэр, чтобы лучше оттенить «Мальчика во мгле» и другие истории в этом сборнике. Ни одна работа не предназначалась художником для сопровождения или иллюстрации этих конкретных рассказов. Рисунок на стр. 23⁵ – рисунок автора на первой странице обложки первого издания романа «Горменгаст», выпущенного издательством «Эйре и Споттисвуд» в Лондоне в 1950 году. Иллюстрация на стр. 25 – набросок, изображающий Флэя и Титуса перед дверью в великую кухню Свелтера: в 1951 году он входил в число предварительных эскизов к предполагавшейся опере по мотивам трилогии о Титусе на музыку Бенджамина Бриттена. Рисунок на стр. 183 – деталь иллюстрации к книге «Капитан Тесак бросает якорь», опубликованной издательством «Эйре и Споттисвуд» в Лондоне в 1945 году.

Рисунки на стр. 16, 33, 174, 181 и 233 воспроизводятся с любезного разрешения Галереи Криса Битлза, Лондон. Иллюстрация на обложке и прочие изображения в тексте – с любезного разрешения наследников Мервина Пика.

---

⁵ Здесь и далее имеется в виду бумажное издание книги.

Мэв Гилмор Предисловие к «Мальчику во мгле»

В 1956 году моему мужу Мервину Пикку заказали повесть для книги, которая должна была называться «Когда-нибудь, никогда». Участвовать в этом сборнике должны были еще два автора: Уильям Голдинг с повестью о прошлом, которая называлась «Чрезвычайный посол», и Джон Уиндэм с повестью «Избери пути ее»⁶ – она была о будущем. Вкладом Мервина стал «Мальчик во мгле», и у этой повести был подзаголовок «Греза».

Издатели оговаривали только приблизительный объем повестей – по очевидной причине сделать готовую книгу сбалансированным целым, – в остальном же предоставляли авторам полную свободу писать или творить все, что каждый из них пожелает. Поэтому на выбор им предоставлялся целый мир – и «Мальчик во мгле» родился в мире воображения, приправленном наблюдениями за известным нам миром вокруг.

Одно время у моего мужа был замысел писать рассказы об эпизодах из жизни Титуса – героя трех его романов, – которые не происходят в «Титусе Гроане», «Горменгасте» и «Титусе одном», ибо какой бы длинной книга ни была, отразить в ней все происшествия в жизни персонажа, разумеется, невозможно. Вне книги происходит множество событий, приключений и встреч с людьми – точно так же и мы, сколь близки бы ни были с родственниками или друзьями, можем знать лишь о небольшой части того, что составляет жизнь других людей.

Поэтому, размышляя о повести, которую собирался писать, Мервин применил эту идею на практике, и, хотя Мальчик из «Мальчика во мгле» – совершенно точно Титус, таким именем автор его не называет.

---

⁶ Пер. С. Славгородского.

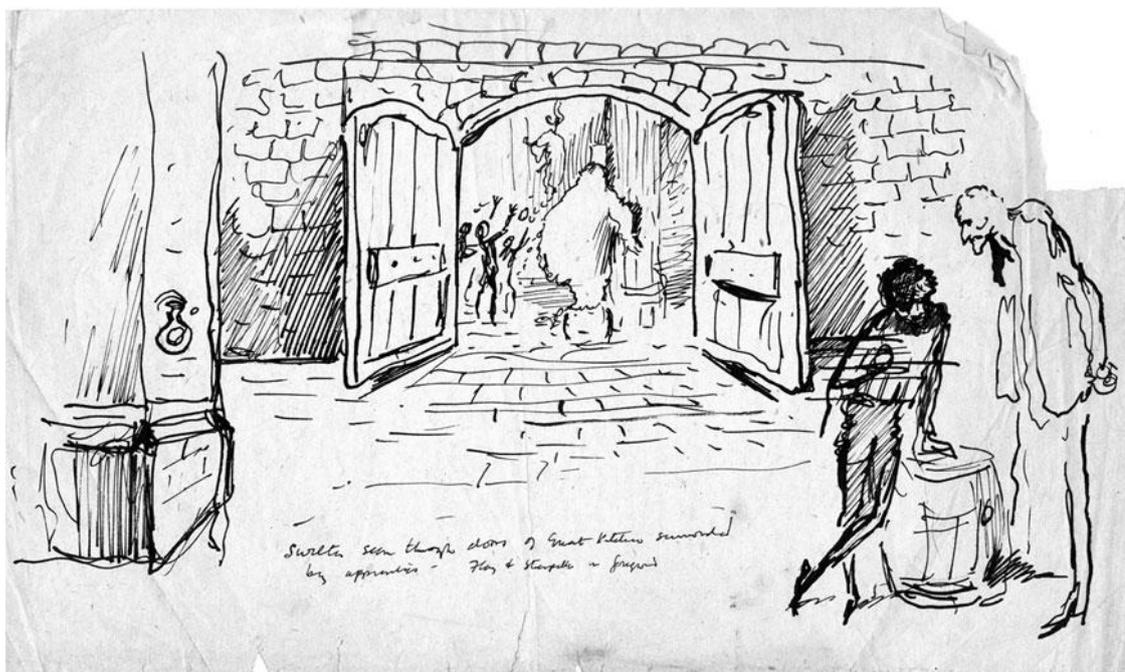
Мальчику только что исполнилось четырнадцать лет. В романе «Горменгаст» Титус становится подростком, что по времени совпадает с происходящим в повествовании. У Титуса настоящая тяга вырваться из оков ограниченной жизни в замке, где он – пленник «обрядов, назначение коих давно уже было забыто», и, соответственно любой юности, ищет приключения...

А остаться одному в земле, где ничто тобой не узнается, – вот этого он и страшился; и жаждал. Потому что какие же могут быть исследования без опасностей?

...И вновь душевный подъем! Восторг и мысль о победе. Побеге куда? И когда? Когда это будет? «Да ну же, сейчас! сейчас! сейчас! – слышался голос. – Встань и иди. Чего ты ждешь?»

Вот так, не оглядываясь, ничего не планируя заранее, он оставил обширный дом свой в поисках приключения, один.

Чтобы отправиться вместе с Мальчиком в его приключение, читайте эту повесть не только рассудком своим, но и глазами и ушами, деля с ним виды и звуки, как если б вы шли за ним с кинокамерой. Ибо все здесь описано весьма живо, и, хотя читатель вряд ли мог видеть, слышать или переживать что-либо подобное, эти события в некоторых случаях суть продолжения нашего собственного опыта.

Гончие псы, описываемые в начале повести, – из одной жуткой прогулки, которая случилась у нас с мужем во Франции, в Оверни. Ночь стояла темная и давяще тихая, а мы шли по одинокой дороге – и вдруг наткнулись на высокие тяжелые кованые ворота, за которыми лежал довольно заброшенный шато. Вдоль дороги, казалось – на много миль, – тянулась каменная стена, еще выше ворот. Приблизившись к воротам, в безмолвии и мраке мы заметили множество теснящихся теней: они пытались перепрыгнуть эти ворота, слышалось лишь их натужное сопение да злое тьяканье. Пока мы шли вдоль стены, твари по другую ее сторону не отставали от нас, продолжая злобную погоню. Звуки и страх, что они порождали, не отпускали нас много лет, покуда не преобразились в гончих псов, которые «сбились в стаю... под ущербною луной» и «оттесняли [Мальчика] на восток, к берегу огромной реки».

Приключение, в которое пустился Мальчик, приводит его в пугающий мир, и он боится – «его наполнила боль бестелесная, немощь столь всепроницающая, столь страшная, что, получи он возможность умереть, Мальчик тут же и ухватился бы за нее. Никакое обычное чувство не могло отыскать пути сквозь наполнившую его, все заглушившую тошноту души». Однако он изобретателен и чувствует, что способен перехитрить двух гротескных тварей,

Козла и Гиену, поймавших его. Он осознает страх перед Агнцем, в каком они существуют: ненасытимую свою жажду власти тот, как узнает Мальчик, утоляет за счет не только их, но и бесчисленных неведомых существ в подземных шахтах, столетиями. Мальчик понимает: чтобы обороть слепого Агнца, одной лишь изобретательности его здесь будет маловато, но лестью и убеждением он переманивает Козла и Гиену на свою сторону, дабы злонамеренного Агнца уничтожить.

История заканчивается для Мальчика храбро, и он вновь сбегает к берегам широкой реки, где его ждут гончие псы.

Сон ли это? Кошмар? По правде ли это все? Что оно значит?

Написан этот текст был как история, чтобы как история и читаться, но толкований у него есть множество. Некоторые читают эту повесть саму по себе и наслаждаются – или не наслаждаются – разворачивающимся пугающим приключением. Иные видят в ней религиозный смысл, а еще кое-кто – унынье нашего уничтоженного мира; есть даже те, кто считают ее нисхождением в черноту человеческой души, где таятся глубочайшие страхи. Для читателя повесть эта – все сразу, кое-что или вовсе ничего из перечисленного.

Книга «Когда-нибудь, никогда» вышла в Америке в 1957 году и снискала успех в виде премии «Бесконечность». «Мальчик во мгле» переиздавался в 1969 году в книге «Внутренний пейзаж». В 1971-м Пол Эликзандер адаптировал ее в короткую пьесу, которую и показывал на дневных спектаклях в театре-пабе «Голова короля» в Излингтоне. В 1974 году повесть перевели на французский.

1976

Мальчик во мгле

Первая публикация: Уильям Голдинг, Джон Уиндэм, Мервин Пик, «Sometime, Never: Three Tales of Imagination», «Эйре и Споттисвуд», Лондон, 1956

Церемонии тянулись весь день. Мальчик устал. Ритуал, подобно бессмысленной колеснице, катил на своих колесах, давя и обдирая земное бытование дня.

Властитель башенных просторов, он не имел иного выбора, как только отдать себя в распоряжение должностных лиц, чья обязанность состояла в том, чтобы наставлять его и направлять. Водить взад и вперед по лабиринтам темного дома. Отправлять изо дня в день бессвязные обряды, назначение коих давно уже было забыто.

Традиционные подарки ко дню рождения были поднесены ему на золотом подносе распорядителем Ритуала. Длинные шеренги слуг проходили мимо Мальчика по колено в воде, пока он сидел час за часом на берегу обжитого комарами озера. Единственное назначение этого важного события состояло в том, чтобы испытать терпение единообразных взрослых особей, для ребенка же оно было адом.

Этот день, годовщина Мальчика, был для него вторым по трудности днем в году. Вчера Мальчик участвовал в долгом шествии по крутому склону горы – к плантации, где ему надлежало посадить к росшим там ясеням четырнадцатый, ибо завтра, то есть уже сегодня, Мальчику исполнялось четырнадцать лет. То была не просто формальность – никто ему, облаченному в длинный серый плащ и в шляпу, смахивающую на дурацкий колпак, в работе не помогал. При возвращении он споткнулся на крутом склоне и упал, ободрав колено и порезав руку, и оттого ко времени, когда его оставили одного в маленькой комнате с выходящим на красный кирпичный двор окном, в душе Мальчика воцарилось бешеное негодование.

Впрочем, сейчас, под вечер второго дня, дня его рождения, дня до того насыщенного идиотическими церемониями, что мозг Мальчика изнывал от обилия несообразных картин, а тело от усталости, он, закрыв глаза, лежал на своей кровати.

Отдохнув немного, Мальчик приоткрыл один глаз, потому что услышал что-то вроде трепета ночницы на оконном стекле. Ничего, однако, не увидев, он уж собрался снова смежить веки, как вдруг взгляд его уперся в пятно охряной, давно знакомой плесени, раскинувшееся, подобно острову, по потолку.

Он много раз разглядывал этот плесенный остров с его фиордами и заливами, с бухточками и удивительными перешейками, соединявшими южные земли с северными. Он знал наизусть конический полуостров, который завершался сужающейся, похожей на низку бесцветных бусин чередой островков. Он знал озера и реки и множество раз проводил вообра-

жаемые корабли к якорным стоянкам опасных гаваней острова или сходил, когда волновалось море, на берег, оставляя суда раскачиваться в своем сознании, уже пролагавшем курс к другим, неведомым землям.

Однако сегодня Мальчик был слишком зол для игры и единственным, что привлекло его взгляд, оказалась медленно пересекавшая остров муха.

– Исследовательница, я полагаю, – пробормотал себе под нос Мальчик и при этих словах перед взором его прошли и ненавистный очерк горы, и четырнадцать дурацких ясеней, и проклятые подарки, принесенные ему на золотом подносе лишь для того, чтобы через двенадцать часов они возвратились в хранилище; он увидел сотни привычных лиц, каждое из которых напоминало о некой ритуальной обязанности, и наконец, забил по постели ладонями, вскрикивая: «Нет! Нет! Нет!» – и заплакал, а муха, между тем, перейдя остров с востока на запад, уже изучала береговую линию, не желая, видимо, рисковать выходом в потолочное море.

Лишь малая часть сознания Мальчика предавалась наблюдению за мухой, но и это малое отождествляло себя с нею, и Мальчик начал смутно сознавать, что «исследование» есть не просто слово или звучание слова, но нечто исполненное одиночества и непокорства. А затем, внезапно, в нем полыхнул первый проблеск самовластного бунта – не против какого-то частного человека, но против вечного круга мертвых символов.

Он жаждал (и теперь сознавал это) претворить свой гнев в поступок – бежать из темниц прецедента, добиться свободы, если не окончательной, то хотя бы однодневной. Свободы на один день. На один огромный день мятежа.

Мятеж! Это и вправду был он, ничуть не меньше. Всерьез ли обдумывал Мальчик шаг столь решительный? Неужели забыл он обеты, принесенные в детстве и в тысячи последовавших за детством дней? Торжественные клятвы, связавшие его путями преданности Дому.

И тут некий шепоток прошелестел у него между лопатками, словно понукая взлететь, – шепоток, становившийся понемногу все настойчивее и громче. «Совсем ненадолго, – твердил он. – В конце концов, ты всего только мальчик. А много ли у тебя развлечений?» И Мальчик, приподнявшись на постели, завопил во весь голос:

– О, к черту Замок! К черту Закон! К черту все!

Он уже сидел, распрямясь, на краю кровати. Сердце билось часто и глухо. Мягкий золотистый свет вливался в окно подобием марева и сквозь это марево виднелись два ряда флагов, содрогавшихся в честь Мальчика на крышах.

Он глубоко вздохнул, медленно оглядел комнату и тут взгляд его приковало лицо – совсем близкое. Лицо свирепо взирало на него. Юное, хоть лоб его и покрывали угрюмые складки. Под лицом свисал на шнурке с шеи пук индюшачьих перышков.

Только по этим перышкам и понял он, что глядит на себя самого, и отвернулся от зеркала, одновременно сдирая нелепую награду. Ему надлежало продержать эти перья на шее всю ночь, а наутро вернуть Наследственному Распорядителю Перьев. Он же, вместо того, выпрыгнул из кровати, отодрал от себя непрочную реликвию и попрал ее ногами.

И вновь душевный подъем! Восторг и мысль о побеге. Побеге куда? И когда? Когда это будет? «Да ну же, сейчас! сейчас! сейчас! – послышался голос. – Встань и иди. Чего ты ждешь?»

Но в натуре Мальчика, которому так не терпелось бежать, присутствовала и иная сторона. Более холодная – и оттого, пока тело его дрожало и вскрикивало, разум вел себя не столь ребячливо. Нелегко было решить, полететь ли к свободе днем или в долгие ночные часы. Сначала Мальчику представлялось, что лучше всего дожидаться захода солнца и, взяв в союзники ночь, пройти через твердыню, покамест сердце Замка лежит, погрузившее от сна, укутанное в плющ, точно в томительное покрывало. Прокрасться по лабиринту проходов, который он знал так хорошо, и прочь, в продуваемые насквозь звездные пространства, и дальше... и дальше.

Но при всех очевидных и немедленных преимуществах ночного побега, он сопряжен был с ужасной опасностью бесповоротно заблудиться, а то и попасть в когти злых сил.

Четырнадцатилетний, Мальчик имел уже немало случаев испытать в запутанном Замке свою храбрость и не раз впадал в ужас не только от молчания и мрака ночи, но и от ощущения, что за ним постоянно следят – как если бы сам Замок или дух этого древнего места шел рядом с ним и останавливался, когда останавливался он, вечно дыша в затылок и беря на заметку любое движение.

Вспомнив, как он сбивался с пути, Мальчик поневоле понял, насколько страшнее было бы остаться совсем одному в заполненных мраком краях, чуждых его жизни, в местах, удаленных от сердцевины Замка, в коем, хоть многие обитатели его оставались Мальчику ненавистными, он был, по крайности, среди своих. Ибо можно нуждаться и в ненавистном, и ненавидеть то, что на странный манер любишь. Так дитя устремляется к узнаваемому – узнавания ради. А остаться одному в земле, где ничто тобой не узнается, – вот этого он и страшился; и жаждал. Потому что какие же могут быть исследования без опасностей?

Впрочем, нет – он не тронется в путь затемно. Это было б безумием. Он выйдет перед самой зарей, когда почти весь Замок спит, и побежит в полумгле, а там и с солнцем наперегонки: он на земле, солнце в небе, – их будет лишь двое, одних на всем свете.

Но как дотянуть до конца холодной, неспешной ночи, бесконечной ночи, которая лежит впереди? Спать – невозможно, хотя поспать было б неплохо. Он снова соскользнул с кровати и торопливо подошел к окну. Солнце стояло уже над зубчатым горизонтом и все вокруг купалось в бледной его светозарности. Впрочем, недолго. Нежный простор неожиданно принял вид совершенно иной. Башни, которые мгновение назад были бесплотными и чуть ли не плыли по золотистому воздуху, приобрели теперь, расставшись с последними лучами солнца, сходство с почерневшими, гнилыми зубами.

Внезапная дрожь прохватила потемневшую землю, и первая ночная сова проплыла беззвучно мимо окна. Далеко внизу кто-то крикнул. Слишком далеко, чтобы различить слова, но не настолько, чтобы не понять – они окрашены гневом. Новый голос вступил в перебранку. Титус перегнулся через подоконник и глянул вниз. Противники не превосходили размером подсолнечных семечек. Однообразно запел колокол, за ним второй, потом загудела вся масса их. Колокола резкие и мягкие, разного возраста и из разных металлов, колокола страха и колокола гнева, колокола радостные и скорбные, колокола с голосами густыми и ясными. . . тусклыми и звучными, восторженные и печальные. Несколько мгновений голоса эти полнили воздух, рокошующие, гомон колокольных языков накрывал огромный каркас Замка металлической шалью. Потом, мало-помалу сумятица колоколов стала стихать, они умолкали десятками, пока не осталось ничего, кроме опасливого безмолвия, и наконец, хрипловатый голос возвратился над крышами из бесконечной дали, и Мальчик услышал, как последние густые ноты замирают в безмолвии.

На миг знакомое великолепие происходящего захватило его. От колоколов Мальчик не уставал никогда. Затем, когда он совсем уж было отвернулся от окна, послышался новый перезвон, и такой напористый, что Мальчик нахмурился, не в силах понять, что бы это значило. За перезвоном последовал второй, потом третий, а когда завершился четырнадцатый, Мальчик понял, что колокола звонили в его честь. Он и забыл на время о своем положении – лишь для того, чтобы, дрогнув, вспомнить о нем. От первородства не убежишь. Можно подумать, что такие почести должны были бы порадовать отрока. Но нет, с юным графом все было иначе. Церемонии опутали его жизнь, и счастливее всего он был, когда оставался один.

Один. Один? То есть – в отсутствии. В отсутствии, но где? Представить это было ему непосильно.

Ночь за окном погрузнела от собственной мглы, пробиваемой лишь точками света, мерцавшими в массиве той самой крутой горы, на отрог которой Мальчик взбирался вчера, чтобы посадить четырнадцатый ясень. Эти далекие искры или уголья пылали не только на горных склонах, но и по контуру гигантского круга – и, подчиняясь призыву костров, в десятках замковых дворов стали собираться люди.

Ибо сегодня была ночь высокого пикника и скоро уже вассалы выступят в путь к той или иной части круга. Замок опустеет, люди покинут его – пешие, на лошадях, на мулах, в

экипажах и повозках всех мастей. И скопище сорванцов, шныряя туда и сюда в предвкушении праздника, будет вопить и драться, и крики их понесутся, точно крики скворцов.

Вот эти-то крики, летевшие по темному воздуху, и уничтожили все планы, все благо-разумие, каким обладал Мальчик. То были взвизги взбудораженного детства, и, стоя у окна, он вдруг, без всякой сознательной мысли, понял решительно, понял абсолютно, что бежать необходимо сейчас: сейчас, в гуще и суматохе происходящего. Сейчас, пока ритуал звенит кострами и колоколами, сейчас, на гребне решимости.

Мальчик действовал быстро, да и должен был действовать так, поскольку курс, кото-рый он выбрал, был опасен. Просто скатиться по длинным лестничным маршам он не мог. Тут требовались куда большие скорость и скрытность.

Годами он из чистого любопытства бродил по пыльным покоем своего на вид бескрай-ного дома, пока не открыл десяток путей, позволявших достигнуть земли, не выходя на глав-ные лестницы и оставаясь невидимым. Если познания эти и могли пригодиться ему когда-либо, так именно сейчас – и потому, достигнув Т-образного конца сорок второго по счету коридора, которыми он уже пробежал, Мальчик не свернул ни направо, на север, ни налево, к южной лестнице, что уходила все вниз, вниз, но вместо того подпрыгнул к пробитому высоко в стене окошку без стекол и, ухватясь за короткий конец толстой веревки, торчавшей из рамы, подтянулся и выпростался наружу.

Перед ним раскинулся длинный чердак с балками до того низкими, что ни пригнув-шись, ни уж тем более выпрямившись, пройти под ними было нельзя. Единственная воз-можность пронизать его сводилась к тому, чтобы лечь и ползти, извиваясь, отталкиваясь коленями и локтями. Занятие, вследствие обширности чердака, утомительное, однако Маль-чик давно уж довел этот способ передвижения до такого ритмического совершенства, что наблюдать за ним было все равно как за заводной игрушкой.

На дальнем конце чердака располагался люк на петлях, который, если его откинуть, открывал далеко внизу вид на растянутое одеяло, схожее с огромным синим гамаком. Уголки одеяла были привязаны веревками к низким балкам, брюхо его обвисало, не касаясь земли.

Несколько мгновений – и Мальчик пролез в люк и уже соскочил, как акробат, с оде-яла на пол. Зала эта, должно быть, знала когда-то уход и заботу. Она еще сохраняла следы поблекшего изящества, но дышала ныне – высокая и квадратная – заброшенностью и уны-нием.

Если б широкое окно ее не глядело в ночь, Мальчик теперь не смог бы увидеть и соб-ственных рук, поднеся их к глазам. Однако окно создавало прямоугольник темноватой серо-сти, словно вставленный в черноту залы.

Быстро приблизясь к окну, Мальчик перелез через подоконник и пополз вниз по креп-кой, серой веревке длиной в сотню футов.

Спуск, показавшийся Мальчику долгим, привел его к другому оконцу, пробитому в огромном просторе стены, и он протиснулся в это давно уж никому не пригождавшееся отверстие, оставив длинную веревку бессмысленно раскачиваться в пустоте.

Теперь он попал на подобие лестничной площадки, и миг спустя дробно понесся, минуя один марш за другим, пока не выбежал в заброшенный за ненадобностью зал.

При приближении Мальчика шаркающий топоток сообщил, что масса мелких зверьков удирает, испугавшись, по норам.

Пол бывшего зала не был полом в привычном смысле – половицы давно уж сгнили, сменившись пышно разросшейся травой да кротовыми холмиками, обращавшими зал в подобие старого кладбища.

Несколько мгновений Мальчик, не зная почему, простоял, прислушиваясь. Зал был местом, пробегать которое не подобало, ибо в распадае и неподвижности присутствует вели-чие, замедляющее любые шаги.

Когда Мальчик замер на месте, ни единого звука здесь не раздалось, однако теперь до него донеслись, словно из другого мира, дальние детские голоса – такие призрачные, что поначалу Мальчик решил, будто это какой-то жук потирает лапкой о лапку.

Он повернул налево, туда, где висела некогда дверь, и увидел на дальнем конце коридора квадратик света величиною не более ногтя. Мальчик шел по коридору, но теперь повадка его стала иной. Безумие полета ушло из нее. Он шел с осторожностью.

Ибо в конце коридора присутствовал свет. Тусклое красное свечение, наводившее на мысль о закате. Откуда оно? Солнце давным-давно село.

Тут снова послышались далекие пронзительные голоса, на сей раз более громкие, хотя ни единого слова разобрать еще было нельзя; и Мальчик понял, что происходит.

Дети замка получили свободу. Это была их ночь ночей, освещенная посверками факелов. Мальчик приближался к ним, голоса детей становились все громче, и наконец, он увидел их за арочным проходом – покрывшую землю армию одичалых детей, – и без труда проскользнул незамеченным в многолюдные ее ряды. Факелы полыхали в забитой голосами ночи, поблескивая на влажных лбах, вспыхивая в глазах. И Мальчик шагал с ними, пока, уразумев, что они направляются к традиционной Факельной Горе, не отстал понемногу и, улучив момент, не свернул на перекрестье дорог туда, где среди каменных глыб плотно росли деревья и где он снова остался один.

Теперь он пребывал уже в нескольких милях от собственно Замка, в местах менее знакомых. Знакомых менее, но все еще узнаваемых, благодаря попадавшимся по пути странностям из металла и камня. Что-то выставлялось вдруг из стены – зубец или выступ, достававший до краешка памяти.

Так Мальчик шел и шел, ловя промельки наполовину памятных, наполовину забытых обликов и фигур; однако фигуры эти, застрявшие в сознании по причине их странности (какое-то пятно на земле, похожее на трехпалую руку, или спиральное движение ветвей над головой), отступали, пока он продвигался, все дальше и дальше, и наконец наступило время, когда Мальчик на протяжении четверти часа оставался совсем один, без вехи или знака, способных указать ему путь.

Он словно покинут был верховым конвоем воспоминаний и теперь страх накатывал на него, как ледяная волна.

Мальчик поворачивался во тьме туда и сюда, освещая факелом бесконечную тропу и обнаруживая то ослепительную паутину, то слепую ящерицу на заросшем папоротником выступе. Никого вокруг не было и слышал он только одно – медленное падение капель да порою шелест плюща.

Затем он вспомнил свой порыв, причину, по которой оказался здесь, вдали от твердыни; вспомнил бесконечные ритуалы своего исконного дома, вспомнил гнев и решимость отринуть священные законы семьи своей и царства, и притопнул ногой по земле, ибо, несмотря на все это, напуган был содеянным и напуган ночью; и Мальчик побежал, и ноги его гулко били о камни, пока он не выскочил на огромный простор открытой земли, где лишь несколько деревьев раскидывали, словно в отчаяньи, сучья, и тогда выскользнула из-за плотных туч луна, и впереди Мальчик увидел реку.

Река! Что еще за река? Нет, верно – была река, огибавшая его дом, но тут что-то совсем иное: широкий, медлительный поток без деревьев по берегам, без отличительных черт, неторопливо текущая, хмурая вода с мрачно сияющим на спине ее светом луны.

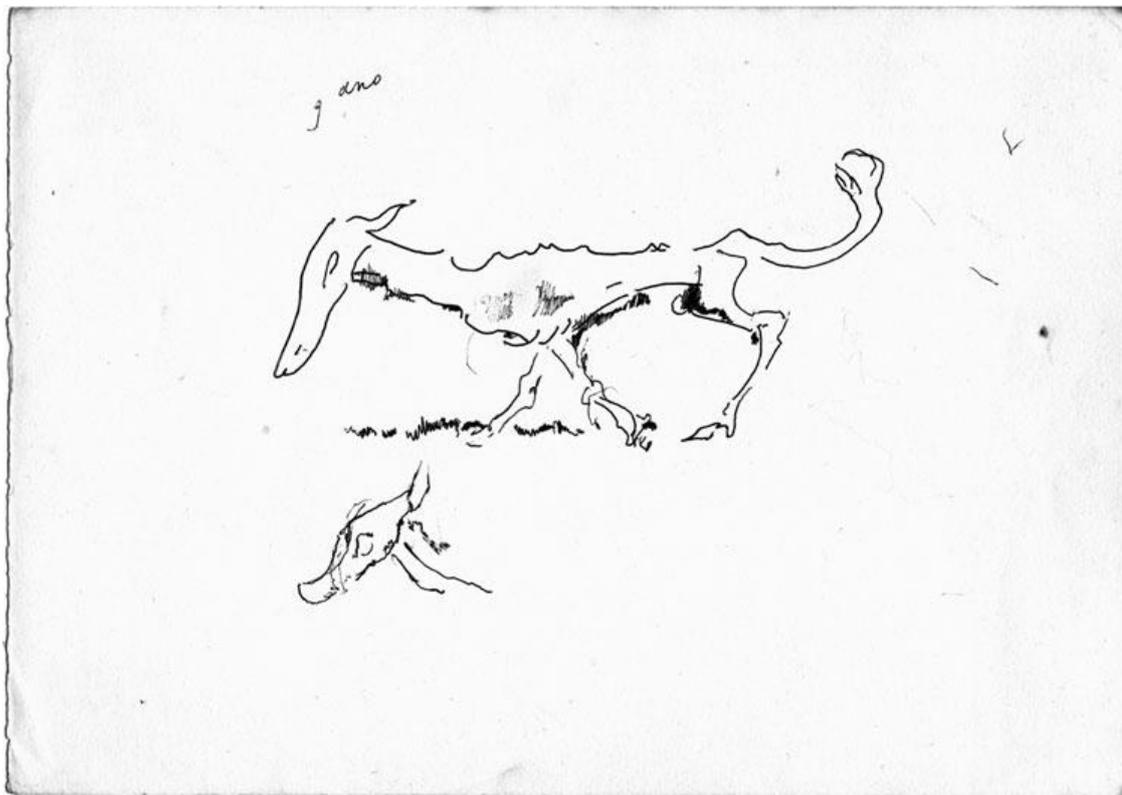
При виде реки Мальчик поневоле остановил бег и, пока стоял, ощутил, как за спиной его смыкается тьма, а обернувшись, увидел псов.

Ниоткуда, казалось, явились, сбившись в стаю, эти гончие псы. В жизни своей не видел Мальчик такого их множества. Были, конечно, пожиратели падали, пробегавшие время от времени по коридорам его дома, прижимаясь к стенам, скаля клыки – промельк теней –

взвизг, возня в темноте – и снова молчание. Но тут чудилось что-то совсем иное: эти псы были частью и дня, и ночи, уверенные в себе, высоко державшие узкие, серые головы. Гончие, возникшие неизвестно откуда, – они жили в заброшенных залах и ложились все вместе, единым пятном тьмы – или в спящий полдень устилали каменные полы разрушенных монастырей – плотно, как осенние листья.

Сойдясь под ущербной луной, псы, не касаясь Мальчика, все же, казалось, оттесняли его на восток, к берегу огромной реки.

Дыхание их было глубоко и свирепо, однако прямой угрозы в нем не ощущалось. Никто из этой песьей орды ни разу и на миг не притронулся к Мальчику, и, тем не менее, он шаг за шагом отступал, пока не достиг кромки широкого потока – там, где стоял зачаленным мелкий челнок. Овеваемый со всех сторон дыханием псов, Мальчик вступил в челнок и отвязал трясущимися руками фалинь. Затем, ухватив подобие лодочного шеста, вытолкнул челнок в медлительные воды. Но от псов это его не избавило: попрыгав в реку, они окружили его, так что огромная флотилия собачьих голов закачалась в вылощенной луною воде – уши торчком, клыки посверкивают. Однако страшнее всего были глаза их, отливавшие яркой, ядовитой желтизной, которая не терпит рядом с собой иных красок и, – если цвету можно приписать какой-то нравственный смысл, – свидетельствует о неискоренимой злобе.

Как ни испугался он, как ни изумился, попав в положение столь неприятное, все же, несмотря на присутствие песьей своры, страх, терзавший Мальчика, был бы сильнее, останься он совершенно один. Псы стали его непрошеными попутчиками. Они, в отличие от железа и камня, были живыми, в груди их, как и в груди Мальчика, трепетала жизнь, и он, отталкиваясь шестом от илистого дна, вознес благодарственную молитву.

И все-таки он смертельно устал, и слабость, соединясь с избавлением от одиночества, только что не усыпляла его. Однако глаз Мальчик старался не закрывать и, достигнув противоположного берега, соспустил через борт челнока в теплую лунную воду, и псы, развернувшись, поплыли, точно темный ковер, вспять.

Итак, Мальчик остался один, и страхи вернулись бы к нему, не будь он так изнурен. Теперь же он просто вскарабкался по отлогому берегу к сухой земле и там, свернувшись в клубок, мгновенно заснул.

Как долго он спал, Мальчик после и сам не взялся б сказать, но когда он проснулся, день уже был в разгаре, и, приподнявшись на локте, он сразу понял, что все кругом ему чуждо.

Этот воздух не был воздухом его земли. Этот был чужим. Мальчик огляделся и ничего знакомого не увидел. Он еще ночью понял, что заблудился, но ныне ощущения его были иными, ибо казалось, что он не просто забрел далеко от дома, но и нечто новое повисло меж ним и солнцем. И дело не в том, не в том, что он лишился чего-то и всей душой желал утраченное вернуть, – нет, что-то ждало его впереди, что-то, с чем встретаться ему не хотелось. Что это могло быть, он ни малейшего представления не имел. Он знал лишь: оно окажется ни на что привычное не похожим. Солнечный свет, падавший Мальчику на лицо, казался горячим и очень сухим. Зрение Мальчика обострилось, как будто пелену сняли с глаз, и запах, ни с какими другими не схожий, начал уже проникать в сознание Мальчика.

Запах не был неприятным сам по себе. Просто к нему примешивалось нечто сладкое, но смутно связанное с угрозой.

Оставив челнок на отмели, Мальчик повернулся спиной к широкой, вкрадчивой реке и сжал ладони. И быстрым, нервным шагом пошел к низким холмам, лежавшим на горизонте – туда, где стены и кровли перемежались деревьями и ветвями деревьев.

Он шел и видел свидетельства, поначалу едва приметные, того, что земля эта пагубна. Пятна голубовато-серых оттенков то там, то здесь попадались ему на глаза. Они ложились тонкими нитями, похожими на улиточью слизь, поблескивали на камне или на стебле травы, растекались по почве, подобно румянцу.

Вот только румянец этот был серым. Нечто осклизло-влажное переползало туда и сюда по чуждой земле. Устрашающим светом отблескивало оно на темной почве, – а после исчезло и все поменялось местами, ибо румянец стал теперь темным, а ползучая тварь и земля вокруг засветились, как лепрозная кожа.

Мальчик отвернулся от того, чего понять был не в силах: ему хотелось дать взгляду отдохнуть на реке, ибо даже в мертвенном этом потоке чуялось нечто уютное, поскольку поток отошел в прошлое, а прошлое навредить уже не сможет. Да река ничего дурного и не сделала Мальчику. Что же до псов, так и они ему не навредили, хоть и сопели пугающе. Только и было в них жуткого, что глаза.

Солнечный свет создать таких красок не мог. Солнце, во всей его мощи, расплескивало сияние, которое всасывало в себя любые оттенки. Луна же, пытаясь добиться того же, могла полагаться лишь на изливаемое ею тоскливое свечение, и все-таки при луне происходило обратное, ибо песьи глаза светились желтизной лимона.

И однако же, когда Мальчик повернулся, словно в поисках утешения, к реке за своюю спиной, он увидел, насколько та переменялась. На что бы ни походила прошлой ночью река, теперь она не была ему другом. Вода, омытая солнцем, смахивала на серое масло, словно вздувавшееся в томной тошноте. Мальчик отвернулся и пробежался немного, как будто спасаясь от мерзкого зверя.

В противоположность маслянистой реке, грубый очерк поросшего лесом холма походил на хлебную корку, и Мальчик, больше ни разу не оглянувшись, устремился к нему.

Со времени, когда он в последний раз ел, прошло уже много часов и голод становился непереносимым. Плотная пыль покрывала ровную землю.

* * *

Возможно, эта мягкая белая пыль и заглушила приближавшиеся шаги: Мальчик и не подозревал, что к нему подбирается нечто. И только когда кислое дыхание коснулось лица его, он вздрогнул, отпрыгнул в сторону и оказался лицом к лицу с пришлецом.

Такой обrazyны Мальчик еще никогда не видел. Слишком большая. Слишком длинная. Слишком волосатая. В общем, слишком массивная, чтобы казаться благопристойной: нечто непропорциональное присутствовало в ней – такое, чего лучше никому не показывать.

Обладателя ее, стоявшего прямо (до того даже, что казалось, будто он несколько отклоняется назад, словно отпрядывает), облакал темный, нелепо просторный костюм из какой-то плотной ткани. Крахмальные, некогда белые манжеты, были настолько длинны и свободны, что полностью покрывали кисти его рук.

Шляпы на голове существа не имелось, однако копна пыльных, мелко вьющихся волос покрывала весь череп, спадая сзади на шею.

Выступающие костистые виски, казалось, проталкивались сквозь похожую на парик шевелюру. Глаза – страшно светлые, стеклянистые, с зеницами до того уж маленькими, что почти и невидимыми.

Если Мальчику и не ухватить воспринять все это с первого взгляда, он по крайности уяснил, что перед ним стоит некто, вблизи его дома никогда не встречавшийся. В определенном смысле – существо из другого отряда. Да, но что же делало этого господина столь отличным от всех прочих? Волосы кудрявы и пыльны. Довольно противно, но ничего монструозного в этом нет. Голова длинна и огромна. Но почему же это, само по себе, должно быть отталкивающим или непереносимым? Глаза бледны и почти лишены зрачков, ну и что с того? Зрачки-то все же имеются, а особой необходимости расширяться у них явным образом нет.

Мальчик на мельчайшую долю секунды опустил глаза – одна из ног существа поднялась и с отталкивающей неспешностью почесала супротивное бедро.

Мальчика слегка передернуло, но почему? Ничего дурного господин этот не сделал.

И однако же, все переменялось. Все стало неправильным, и Мальчик, чье сердце билось часто и гулко, уставился на пришлеца с опаской. И тогда длинная, косматая голова приопустилась и помоталась из стороны в сторону.

– Что тебе нужно? – спросил Мальчик. – Кто ты?

Господин перестал мотать башкой и, оскалив в улыбке зубы, вперился в Мальчика взглядом.

– Кто ты? – повторил Мальчик. – Как тебя звать?

Существо в черном распрямилось и замерло, как вкопанное; что-то напыщенное проступило в нем. Впрочем, поперек лица его расплзлась, точно зияющая рана, улыбка.

– Я Козел, – сказало оно (слова эти с трудом протиснулись сквозь его блестящие зубы). – Я пришел сказать тебе добро пожаловать, дитя. Да... да... сказать тебе добро пожаловать...

Затем человек, отрекомендовавшийся Козлом, как-то бочком подступил к Мальчику – мерзким, крадущимся шажком, – одна из ног, завершив шажок, начала подергивать на копыто похожим сапогом, который почти жеманными движениями раскидывал в стороны белую пыль, показывая трещину, шедшую по середине ранта. Мальчик невольно отступил еще на шаг, но не смог при этом оторвать взгляд от непристойного окончания ноги. Треснувшая нога – вещь не из тех, какие человек, пребывающий в здравом уме, станет выставлять постороннему напоказ. Козел же не предпринимал ничего – только двигал ею туда и сюда да время от времени отводил взгляд от тонкого песка, сыпавшегося из трещины, опадая на землю.

– Дитя, – сказал Козел (продолжая скрести пыль), – не отшатывайся от меня. Хочешь, я тебя понесу?

– Нет! – вскрикнул Мальчик так быстро и громко, что улыбка Козла угасла и тут же снова включилась, как свет.

– Очень хорошо, – сказал Козел, – тогда тебе придется идти самому.

– Куда? – спросил Мальчик. – Я предпочел бы отправиться домой.

– Вот именно туда ты и отправишься, дитя, – сказал Козел, а следом, как бы напав с опозданием на новую мысль, повторил: – Именно туда ты и отправишься.

– В Замок? – спросил Мальчик. – В мою спальню? Где я смогу отдохнуть?

– О нет, не туда, – ответил Козел. – С замком оно ничего общего не имеет.

– Где я смогу отдохнуть, – повторил Мальчик, – и что-нибудь съесть? Я очень голоден, – и тут раздражение охватило его, и он крикнул облаченному в черное, долгоголовому Козлу: – Голоден! Голоден! – и притопнул ногой.

– Ради тебя устроят банкет, – сообщил Козел. – Состоится в Железной Комнате. Ты же первый.

– Первый кто? – спросил Мальчик.

– Первый гость. Мы так долго ожидали тебя. Хочешь погладить меня по бороде?

– Нет, – ответил Титус. – Отойди от меня.

– Как это жестоко, говорить мне такое, – сказал Козел, – и в особенности потому, что я еще самый добрый из всех. Вот подожди, увидишь прочих. Ты – в точности то, что им требуется.

Тут Козел расхохотался и большие, обвислые, белые манжеты запорхали туда и сюда, потому что он заколотил себя лапищами по бокам.

– Я тебе вот что скажу, – произнес Козел. – Ты ругаешься, так и я буду ругаться. Тебе это понравится? – Козел наклонился, вглядываясь в Мальчика пустыми глазами.

– Я не понимаю, о чем ты, – прошептал Мальчик, – но найди мне еду или я никогда для тебя ничего делать не стану, и возненавижу тебя даже сильнее, чем сейчас, – и убью тебя, да, убью, потому что я голоден. Дай мне хлеба! Дай хлеба!

– Хлеб недостаточно хорош для тебя, – ответил Козел. – Тебе нужны камыши и фиги.

Он склонился к мальчику, и от его засаленного черного одеяния пахло аммиаком.

– А что еще тебе нужно...

Этой фразы Козел не закончил, поскольку ноги мальчика подкосились, и он без чувств повалился на землю.

Длинные волосатые челюсти Козла отвисли, как у механической игрушки; упав на колени, он на дурной манер затряс головой, так что сухая пыль, покрывавшая его локоны, поднялась и поплыла по воздуху в безрадостном солнечном свете. Какое-то время Козел вглядывался в лежащего, потом встал и бочком отошел от него шагов на двадцать-тридцать, все время оглядываясь из желанья увериться, что он не ошибся. Но нет. Мальчик лежал там, где Козел оставил его, лежал без движения. Затем Козел остановился и обозрел кривой горизонт, по которому длинной вереницей тянулись, цепляясь друг за друга, холмы и деревья. И, вглядываясь, заметил далеко от себя что-то маленькое, величиною не больше букашки, однако бегущее. Временами казалось, что бежит оно на всех четырех, но потом существо это почти распрямлялось, ничуть не сбавляя ходу, – и увиденное подействовало на Козла мгновенно.

Проблеск тусклого света, в котором смешались страх и желание мести, на миг полыхнул в пустых глазах Козла, и он принялся рыть землю ногами, поднимая вверх струи гравийной пыли. Затем рысцей вернулся к Мальчику и, подняв его с легкостью, показавшей, какая страшная сила крылась под провонявшей аммиаком привольной одеждой, забросил его, как мешок, на плечо и нескладной, косо какой-то побежкой понесся к горизонту.

Он бежал и бежал по белой пыли и на бегу бормотал:

– Прежде всего, наги верховный белоглавый властитель, Агнец, и никто, кроме Агнца, как он есть сердце любви и жизни, и это правда, потому что он нам так говорит. Значит, прежде всего я воззову к нему из мглы. Попрошусь на прием. И буду вознагражден, это возможно, мягкой слабостью его голоса. Это правда, потому что он сам мне так говорил. И это великая тайна, Гиена узнать не должен... Гиена узнать не должен... потому что я сам его нашел. Так что Гиене не следует видеть меня или создание... голодное создание... создание,

которого мы ждали так долго... Мое приношение Агнцу... Агнцу, хозяину... белоглавому властителю... истинному Агнцу.

Козел бежал, все бочком, бочком, продолжая изливать мысли, путано пузырившиеся с краешку его бедного, бестолкового мозга. Казалось, бежать он способен бесконечно. Он не пыхтел, не глотал ртом воздух. Только единожды остановился он – да и то поскрести голову, глубоко запрятанную в подросте его пыльных, завшивленных локонов, почесать лоб и темя, зудевшие так, словно их жгло огнем. Для этого ему пришлось сложить Мальчика на землю, и примерно в тот же миг можно было б заметить, что несколько стеблей травы вдруг встали над пылью. Лесистые холмы уже заметно приблизились, и пока Козел скреб голову, пока это занятие вздымало облака пыли, повисавшие в воздухе, снова показался некто, наблюдавший за ним издали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.